

**Исследовательский вектор памятников Борисоглебского цикла:
интерпретация мотива гибели**

В последние десятилетия появилась необходимость в актуализации новых направлений в изучении памятников древнерусской литературы, особенно раннего периода. Ученые-медиевисты советского периода зачастую были вынуждены обращать внимание на отражение социальных конфликтов в произведениях Древней Руси. В настоящее время исследователь памятников древнерусской литературы может без идеологической предвзятости изучать тексты произведений, рассматривать позицию автора в контексте времени, что выявляет необходимость в новых подходах.

Большую сложность представляет изучение ключевых памятников литературы, в отношении которых часто распространено мнение о пределах исследований: кажется, что наука сделала достаточно подробный разбор всех вопросов. К числу таких произведений принадлежат памятники Борисоглебского цикла XI–XII вв. Так, особого подхода требует интерпретация изображения убийства Бориса и Глеба, которая получила свое развитие в ряде работ последних лет.

Огромное значение представляет исследование русской святости В. Н. Топорова [1], в которой рассматривается феномен вольной жертвы Бориса и Глеба, восходящей к жертве Христа. Современные ученые часто обращаются к этой работе, однако мысли автора не всегда бесспорны. Например, Топоров заявляет, что преступление Святополка предопределено греховностью его рода, но Л. Г. Дорофеева [2] оспаривает эту позицию, указывая на то, что преступление Святополка – его сознательный выбор и исходит из понимания категории христианской свободы. С другой стороны, возникнут естественные вопросы: какая позиция была свойственна для человека того времени; когда

вопросы христианской морали стали волновать его больше, чем единство с родом? Топоров апеллирует к мифологическим корням и интерпретирует «Сказание о Борисе и Глебе» при помощи мифологических мотивов. Но остается вопрос: что было причиной для таких обращений со стороны христианского книжника?

Б. А. Успенский [3] уделяет внимание возможной необходимости осмысления русской истории как библейской аналогии. В рамках этой концепции Святополк поступает, как Каин, убивший Авеля. Канонизация Бориса и Глеба как первых русских святых, по мнению Успенского, знаменует начало «священной истории избранного народа», которое аналогично началу истории еврейского народа, положенному братоубийственной жертвой. Однако исследователем не была доказана реальная историческая необходимость обращений к настолько отдаленным библейским событиям.

Весьма интересна статья С. Ю. Темчина [4], который показывает на широком историческом материале, что Борисоглебский культ был необходим Ярославу Мудрому, на жизнь которого Святополк покушался подобно тому, как Ирод – на жизнь младенца Иисуса Христа. Борис и Глеб соотносятся с Вифлеемскими младенцами, а вовсе не с Авелем или христовой жертвой. Однако остается неясным: могло ли только это сравнение обеспечить культу такую популярность? Одно только «Сказание о Борисе и Глебе» было распространено на Руси более чем в 220 списках. Возможно, были и другие причины для канонизации братьев и, соответственно, для их почитания.

Герменевтическая многоплановость культа очевидна: во многих произведениях древнерусской литературы братья являются в образе защитников Руси. С другой стороны, их культ нашел воплощение в историях об исцелении людей. Смирение Бориса и Глеба перед насильственной смертью было актуализировано в житии Андрея Боголюбского. Фольклорный характер имеет другая линия развития: ко дням памяти святых в некоторых землях Киевской Руси были приурочены работы земледельческого цикла. Наконец, добровольная смерть Бориса и Глеба действительно отсылает к смерти Христа,

что порождает мотив спасения души и ее восшествия в небесное царство. Из трех упомянутых интерпретаций самой аргументированной представляется версия Темчина, который выявляет историческую необходимость предложенной интерпретации Борисоглебского культа.

Трагическая история святых была воспринята с таким откликом среди людей, что имеет смысл задуматься, как соотносятся Борисоглебский культ и ментальность русского народа. Филологический подход в изучении культа Бориса и Глеба актуализирует такие направления как зависимость христианской семантики от фольклорных и дохристианских смыслов, авторское мировосприятие, языковой контекст, сопоставление текстов. Однако этих средств недостаточно, что видно по названным работам. Уместно предположить, что отмеченные выше проблемы было бы оптимально разрешить, обратившись к достижениям исторической науки. Использование филологических и исторических методов в их единстве способно выявить некие закономерности в формировании национального самосознания на раннем этапе его становления.

Литература

1. *Топоров В. Н.* Святость и святые в русской духовной культуре : в 2 т. Т. 1. М., 1995. С. 490–508.
2. *Дорофеева Л. Г.* Образ Святополка в «Сказании о Борисе и Глебе»: предопределение или свобода выбора? // Журнал ВАК: Вестник БФУ им. И. Канта. Калининград: Изд-во РГУ им. И. Канта, 2012. С. 108–111.
3. *Успенский Б. А.* Борис и Глеб: восприятие истории в Древней Руси. М. : Языки русской культуры, 2000. С. 43–47.
4. *Темчин С. Ю.* Се несть убийство, но сырорезание // Именослов. История языка. История культуры / отв. ред. Ф. Б. Успенский. М. : Русский фонд содействия образованию и науке, 2012. С. 216–230.